

Средь высоких лесов затерялася

потягаться в силе искренности своей с глубиной здешних лесных озер.

Заговорили мысли, пробудили воспоминания дальней дорогой на Роднику.

Но вот и деревня. Обнимают ее все те же поля да луга, болота да топи. За деревней, куда ни глянь, леса. А она, когда-то величаяя, нарядная, веселая да многолюдная, встретила зияющими пустотой окнами, остывшими стенами нежилых домов, гнетущей тишиной.

Петляя по переулочкам между изгородями, шла к дому Ивановых. А встретит ли кто? Выйдет ли навстречу гостям радужная, хлопотливая хозяйка? Когда дом показался, узнала его сразу. Стоит, как прежде. И тройка к нему проторена. Добрый пес, молодой и веселый, лает на пришлых, но это так, для порядка.

Стучу в дверь, хотя знаю, днем в деревне ее на замок не замыкают. Жду, а в душе и надежда, и тревога. Скрипнули половицы. Не спросив «кто?», все та же — статная, пригожая — хозяйка, Валентина Александровна, дверь распахнула. Ахнула от неожиданности да скорее в дом повела — приветить да обогреть.

А там и беседа потекла. Мы и про правду сказали, и про кривду поговорили. И все за жизнь, о ней рассуждали — и радовались, и печалились.

— Вон она какая разная, — размышляла Валентина Александровна, — то светлая, то серая, а то и вовсе бедой глядит. Но все равно: жизнь — это благо, дарованное человеку. А он, бывает, и не ценит дара этого, тоскует да тужит, а хуже того, клянет ее незадавшуюся.

Дальше невзгод ничего

уж и не видит. И белый свет ему не мил, вольная волюшка не в радость. И тратит он этот дар бесценный без всякого толку. Все где лучше да слаще ищет, богатства земные копит. Да еще и завидует при этом тем, кто удачливее. Не о вечном думает, о бренном.

А для нее дороже родного края, Родники, ничего нет.

— Раньше-то (лет 30 назад) дворов полторы сотни было, Семьи большие — по 7—6 детишек. Сейчас двое школьников, а новорожденных и вовсе нет. Человек 70 еще живут в деревне. Молодые есть, не все еще разъехались. А работы нет. Как, не работая, жить? И на что? Грибы, ягоды выручают. Так то летом да по осени. Ну, хозяйство личное, огороды как-никак кормят. Но без работы нет уверенности в завтрашнем дне, и отживает свое деревня, пустеет. А когда-то завод

был, смолу гнали. На совхозных полях, фермах люди трудились, пекарня своя была (долгие годы заведовала ею В. А. Иванова), три магазина. Сейчас один. И то слава Богу.

Колодцы бы починить. Частая битва ведь с водою. Чуть постоит, глядишь, уж мутная.

А не приведи Господь заболеть. Ни отправить в райцентр, ни сообщить нет никакой возможности. Телефон один на всю деревню. Не дай Бог, в неурочный час случится что, помощи ждать неоткуда. А так, что бы не жить здесь, на таком-то приволье? Чего уж лучше-то края нашего, Родники?!

Из деревеньки уезжала я в раздумьях. Зачем стремлюсь сюда, в глубинку, всякий раз? На какой вопрос ищу ответ? Вероятно, на тот самый — вечный: зачем человек живет свой век?

— Живет, чтобы жить. Простой, как истина, ответ. Любить стоит жизнь, а не наслаждаться ею.

Вот и вся правда.

Любовь КАРПОВА.